

«Старость» в прошлом и настоящем

Современное российское общество представляет собой весьма своеобразный социокультурный организм. В результате форсированной модернизации советского периода, когда в течение жизни всего двух-трех поколений основная масса населения переместилась из деревни в город, оказались разрушенными и традиционное городское (гражданское) общество, и традиционное сельское общество (община), место которых занял некий социокультурный симбиоз, индустриально-городской по форме и сельско-крестьянский по содержанию. Фантастическая по темпам урбанизация явилась внешней оболочкой еще более фантазмагорической внутренней рурализации общества; этот социум-мутант, в котором, как в слоеном пироге, феномены аграрной, индустриальной и постиндустриальной стадий перемежаются друг с другом, в силу отсутствия значимых факторов эволюции, а может быть, и паритета разнонаправленных ее векторов, оказался при всей своей амбивалентности вполне стабильным, но при этом столь же перманентными сделались и институционально-ценностные несостыковки, латентные, а то и открытые конфликты. Одной из таких проблем выступает разрушение авторитета старшего поколения, утрата старостью атрибута значимой ценности, так как тот социальный опыт и культурная традиция, носителями которого выступают большинство нынешних пенсионеров, оказываются мало или фактически вовсе невостребованными в новых условиях. Существует достаточно много социологических и культурно-антропологических осмыслений подобных ситуаций (например, известная концепция Маргарет Мид, выделяющей в зависимости от характера межпоколенческих взаимоотношений постфигуративный, фигуративный и префигуративный типы культур¹), однако для нас больший интерес в данном случае представляет не комментирование имеющихся интерпретаций, а проблема исторической конкретизации самого понятия «старость». Сегодня «старым», исходя из пенсионного законодательства и обычного словоупотребления, признается человек в возрасте от 60 – 65 лет; но всегда ли так было?

В патриархальном (архаическом) обществе старый – это старший, т.е. человек, который в силу своего сравнительного превосходства в возрасте почти автоматически выступает обладателем власти/авторитета (*auctoritas*). Греч. *gerōn* – это член герусии, лат. *senex* – это член сената: старость этимологически ассоциируется не с дряхлостью и упадком, а с властью и превосходством. Русское «старый» или старославянское «старьць» восходят к индоевропейской основе со значениями «большой», «крепкий», «твердый», «сильный»²: имеется в виду отнюдь не немощь, а наоборот, сила, могущество, господство. Почему так?

Дело в том, что не только во времена седой древности, но и в совершенно недавние, по историческим меркам, эпохи, «старостью» считался не 60 – 70 – 80-летний, а гораздо более «молодой», с современной точки зрения, возраст. В России XVIII века 55-летний фабричный работник считал себя стариком, а 56-летних официальные ведомости рассматривали как «престарелых»³. Та же ситуация была характерна и для верхов общества – в 1752 г. посланник в Австрии М.П. Бестужев в одном письме писал: «я человек престарелый: родился я в 1689 году, и тако 63 год мне идет: лета немалые, более должно назвать престарелые»⁴. Несколько десятилетий спустя, в 80-е гг. XVIII в., французский посол Л.-Ф. Сегюр в своих записках называл 50-летнего австрийского посланника принца де Линя «стариком»⁵; в «Письмах русского офицера» Ф.Н. Глинки, написанных в 1805–1815 гг., можно прочесть такую фразу: «... один шестидесятилетний старик...»⁶, – и т.д. и т.п. Можно привести и ряд литературных примеров: в толстовской «Анне Карениной», где описываются события уже 70-х гг. XIX в., 34-летний Стива Облонский характеризует свою жену, «бывшую только годом моложе его», так: «истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина» (что немудрено, так как Долли Облонская в свои тридцать три года была уже «мать пяти живых и двух умерших детей»). В другом месте брата Левина, Сергея Ивановича Кознышева, убеждают в том, что в нынешнее время «только в России люди в пятьдесят лет считают себя стариками», в то время как во Франции пятидесятилетний мужчина считает себя «в расцвете лет», а сорокалетний – «молодым человеком», – и т.д.⁷ Даже в таком позднем произведении, как «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова (этот написанный в 1927 г. бессмертный роман в данном аспекте представляет ничуть не меньший интерес, чем более серьезные сочинения), при описании свадьбы Остапа Бендера и вдовы Грицацуевой сообщается, что «Молодая была уже не молода. Ей было не меньше тридцати пяти лет», а 50-летняя Елена Станиславовна Боур и 52-летний Ипполит Матвеевич Воробьянинов именуются не иначе, как «старик» и «старуха»⁸.

Дело в том, что продолжительность жизни была тогда столь невысока, что перешагнувший через 50-летний рубеж человек мог считать себя счастливым и, действительно, выглядел в глазах окружающих глубоким старцем. Во Франции XVIII в. продолжительность жизни составляла 25–27 лет, при этом, по разным оценкам, от 20 до 35% умирало в первый же год жизни, до 10 лет доживало 49–61%, до 25 лет – 42–55%, до 50 лет – 24–38%⁹. В России ситуация была отнюдь не лучше – Ломоносов считал, что из каждого поколения «в три года умрет половина или еще по здешнему небрежению и больше»¹⁰, Екатерина II в своем «Наказе» писала, что «мужики большей частью имеют по двенадцати, по пятнадцати и до двадцати детей из одного супружества; однако редко и четвертая часть оных приходит в совершенный возраст», а Петербургская духовная консистория в

1747 г. сообщала, что в пределах епархии из 3211 новорожденных мальчиков в течение первого года жизни умерло 968 (и это еще по очень неполным данным)¹¹. В середине XIX в. средняя продолжительность жизни крестьянина определялась А.В. Терещенко в 33 года¹²; даже в последней четверти XIX в. в России до 5-летнего возраста доживали 550 чел. из 1000 (в Западной Европе того времени – более 700¹³). До старости доживало, понятно, еще меньше - можно привести такой фактический пример: в одном из имений П.П. Шафирова, отписанных в 1723 г. «на государя», из 375 душ м.п. возраст от года до 10 лет имели 108 (28,8%), от 10 до 15 лет – 52 (13,9%), от 15 до 60 лет – 186 (49,6%), и от 60 до 90 лет – 29 (7,7%) чел.¹⁴; иными словами, лиц современного пенсионного возраста было всего 8%, а не от одной трети до половины населения, как сегодня.

«Старость», таким образом, начиналась рано; соответственно, сравнительно с нашими сегодняшними представлениями, столь же рано заканчивалась «молодость». Традиционным возрастом зрелости был возраст 15-ти лет: именно по достижении пятнадцатилетия дворянский «новик» получал коня, саблю, поместье и мог отправляться на войну. Тем более это было характерно для непривилегированных сословий: к 14–15 годам крестьянский сын или дочь считались вполне взрослыми людьми, и не только считались, но и были ими, т.е. могли себя обеспечивать собственным трудом, в том числе и работой по найму. У приписных крестьян уже 10-летние мальчики становились «годными работниками» и отправлялись отдельно от семей на отработки на рудники и заводы¹⁵. В XVIII веке на казенных заводах работали дети с 12 лет, а на частных – и с 6 лет; платили им меньше, чем взрослым, что вызвало в 1763 г. особое разбирательство, результатом которого стало распоряжение считать малолетними лиц, не достигших 15-летнего возраста, а лица 15 лет и старше были официально отнесены к взрослым рабочим и должны были получать соответствующую заработную плату¹⁶. В Европе в XVIII в. ситуация была такой же: в Голландии, Швейцарии, Англии, Франции, Австрии, Пруссии в кустарных мастерских, на заводах и фабриках работали дети 7, 6, 5 и даже 4 лет от роду; в Пруссии были мануфактуры, на которых работали исключительно дети, в Австрии детский рабочий день продолжался 13–14 и даже 16 часов¹⁷. Показателен и такой пример: из 85 работников в возрасте от 7 до 9 лет, поступивших на московские мануфактуры в первой четверти XVIII в., до этого занимался ремеслом 1, «разной работой» – 2, из 191 работника в возрасте 10–11 лет ремеслом занимался 1, разной работой – 13, из 317 работников от 12 до 14 лет был 1 ремесленник, 33 разнорабочих и даже 2 торговца: все это были люди, жившие без родителей и самостоятельно зарабатывавшие на жизнь¹⁸. Перепись бурлаков, проведенная в 1722 г. в Нижнем Новгороде, выявила 28 работников в возрасте от 7 до 10 лет, и 271 работника в возрасте 11–15 лет (из общего количества в 11 087 чел.); 7-летние дети работали кашеварами, а 12-летние уже тянули лямку вместе со старшими товарищами¹⁹.

«Взрослость» традиционно определялась (и определяется) не только способностью самостоятельно зарабатывать на жизнь, но и возможностью вступления в брак. Так вот, по основному кодексу регулировавшего семейно-брачные отношения в допетровской Руси церковного права – Кормчей книге, минимальным возрастом вступления в брак для жениха было 15 лет, для невесты – 12 лет. В «Стоглаве» 1550 г. также говорилось: *«А венчали бы отрока пятнадцати лет, а отроковицу двенадцати лет по священным правилам»*²⁰. 14-летние невесты никого не удивляли (в 14 лет уже рожали), так как бывали и 12-ти, и даже 11-летние невесты (например, член голштинского посольства 1633 – 1634 гг. Адам Олеарий пишет: *«В этой деревне к нам привели мальчика 12-ти лет, который несколько перед тем женился; в подобный же брак в Твери вступила девочка в 11 лет»*²¹), а в удельные и еще более ранние времена – 8-ми и 5-летние²². Впрочем, подобное положение сохранялось не только в более ранние, но и в более поздние времена – так, в 1763 г. небезызвестный А.Т. Болотов сватался к 12-летней девочке, однако родители попросили подождать год, и он действительно подождал, но через год женился²³; сенатские и синодские запреты венчать малолетних (восьмилетних и т.п.) издавались в 1774, 1779, 1781 гг. – т.е., в этом была необходимость²⁴. Только в 1775 г. бракоспособный возраст был повышен для лиц ж.п. до 13 лет (у лиц м.п. был оставлен тот же – 15 лет), и лишь в 1830 г. было законодательно установлено, что женщина может выходить замуж в 16 лет, а мужчина жениться – в 18 лет²⁵.

В течение XVIII – первой половины XIX вв. русские дворяне часто поступали на действительную военную или статскую службу в возрасте 13, 14, 15 лет, и действительно служили, воевали и управляли, достигая еще через несколько лет высоких чинов. Вот лишь несколько примеров: П.А. Румянцев в 18 лет стал полковником, командиром Воронежского пехотного полка, а в 30 лет – генерал-майором; С.Г. Волконский в 17 лет командовал полком, а в 25 лет стал генералом; Н.Н. Раевский получил полковничий чин в 22 года, генеральский – в 28 лет; А.А. Тучков стал полковником в 22 года, генерал-майором – в 32 года; М.И. Кутайсов получил генеральский чин в 24 года, М.Ф. Орлов стал генерал-майором также в 24 года, Н.А. Саблуков - в 25 лет, М.С. Воронцов - в 28 лет, П.Д. Киселев – в 29 лет, П.В. Завадовский и А.Н. Сеславин – в 33 года. Таким образом, двадцатилетние «молодые люди» уже командовали тысячами других людей, а тридцатилетние были заслуженными генералами; конечно, в статской службе продвижение шло медленнее, но и здесь положение было совершенно несопоставимым с сегодняшним, свидетельством чего является тот факт, что в XIX веке пенсия статским чиновникам назначалась по выслуге 25 лет (в размере оклада; 20-летний стаж обеспечивал пенсию в размере половины оклада жалования), так что «пенсионный возраст» начинался где-то с 45 – 47 лет.

Из приведенных данных видно, что еще менее столетия назад и для высших, и для низших классов российского общества понятие «старость» ассоциировалась с 50 – 55-летним возрастом, а доля «стариков» в возрасте свыше 60 лет была в 3 - 5 раз ниже, чем сегодня. Современное старение общества в развитых странах, в т.ч. и в России, является следствием сложного комплекса факторов, включающего в себя развитие здравоохранения, снижение детской смертности, качественное улучшение условий труда, особенно его продолжительности и интенсивности, столь же фундаментальное повышение комфортабельности быта и т.д. Российской особенностью является то, что в результате скачкообразной урбанизации несколько десятков миллионов крестьян – носителей не только полупатриархальной культуры и системы ценностей, но и обладателей прекрасного генетического здоровья (следствие многотысячелетнего естественного отбора в условиях отсутствия какого бы то ни было здравоохранения и фантастической по нынешним меркам трудоемкости жизни), оказались в совершенно ином физико-социальном ландшафте, существенно увеличившем продолжительность их жизни. Однако увеличение продолжительности жизни и удельного веса лиц пенсионного возраста оказалось сопряжено с падением востребованности этой доли населения в процессе социокультурного воспроизводства, что вызывает фрустрацию, негативные эмоционально-психологические последствия.

¹ Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., 1988.

² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. – М., 1999. – С. 199.

³ Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. – Л., 1974. – С. 195.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XII. Т. 23–24. – М., 1964. – С. 132.

⁵ Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – С. 395.

⁶ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. – М., 1990. – С. 342.

⁷ Толстой Л.Н. Анна Каренина. – Тула, 1970. – С. 5, 530.

⁸ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. – М., 1991. – С. 13, 88, 137–147.

⁹ Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. Т. 2. – М.-Л., 1931. – С. 8.

¹⁰ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. – Л., 1982. – С. 83.

¹¹ Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Екатерининские орлы. – М., 1996. – С. 299.

¹² Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. I–VI. – СПб, 1848. – С. 226.

¹³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVII. – СПб, 1899. – С. 99.

¹⁴ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. – М., 1951. – С. 20.

¹⁵ Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. – М., 1991. – С. 110–118.

¹⁶ Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. – М., 1985. – С. 139–140.

¹⁷ Кулишер И.М. Указ. соч. – С. 157–160.

¹⁸ Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. – М., 1953. – С. 446.

¹⁹ Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. – М., 1965. – С. 67.

²⁰ Рябцев Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XI – XVII вв. – М., 1998. – С. 339.

²¹ Там же. – С. 340.

²² Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. – М., 1978. – С. 213–214; Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – Новосибирск, 1992. – С. 49.

²³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Том второй. 1760 – 1771. – М.-Л., 1931. – С. 252–294.

²⁴ Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. – СПб, 1896. – С. 111.

²⁵ Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. – С. 54.